

Руссов Степан Васильевич

**О подлинности древнего русского
стихотворения, известного под
названием: Слово о Полку
Игореве, Игоря Святославля,
сына Ольгова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С79

С79 **Степан Васильевич Р.**
О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием: Слово
о Полку Игореве, Игоря Святославля, сына Ольгова / Руссов Степан Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-84071-2

ISBN 978-5-519-84071-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бѣдные мы Россіянне! Безъ знанія Польскаго языка и *Сигизмундовской* словесности, наша филологія существовать не можетъ! А по нашему мнѣнію: намъ Польскій языкъ ни на что не нуженъ. Мы безъ него также легко обойдемся, какъ безъ Японскаго. *Сигизмундъ I*, царствовавшій съ 1507 по 1548 годъ, былъ Государь добрый, наблюдалъ строго правосудіе и любилъ науки; по словесности его времени, состоя изъ худой Латыни, для Русской филологіи образцомъ быть не можетъ.

При *Сигизмундѣ II*, съ 1548 по 1572 годъ, исторія представляетъ Польскій народъ въ какомъ-то круженіи, еще менѣе подражанія доспѣюпомъ: вѣра, народоправленіе, нравы, все измѣнилось печально, скоропостижно (*). Вѣкъ *Сигизмунда III*, съ 1587 по 1632 годъ, показываетъ намъ только враждебное расположеніе къ Руси. Поляки и оружіемъ и дипломатическими хитростями, и высылкою Самозванцевъ съ бездомною шляхтою, копорая, какъ голодная саранча, пожирала наши нивы, деревни, города, и, наконецъ сочиненіями, спарались испепелить, очернить и покорить себѣ Россію. Какую же пользу можемъ мы извлечь изъ по-

(*) По запискамъ, можетъ быть не вѣрнымъ, но внесеннымъ въ исторію, видно, что дома первыхъ вельможъ Польскихъ: *Браницкихъ*, *Люблинскихъ*, *Опалинскихъ*, *Радзивилловъ*, *Ходкевичей*, *Сенесъ*, *Поняевъ* и другихъ, начинали оспаривать невѣданіе ихъ предковъ; даже Епископы: *Куявскій*, *Каленцкій*, *Кіевскій* (Камоліцкій), *Варминскій*, начинали пассивать своимъ проповѣдывать новое ученіе; вмѣсто господствовавшей вѣры допускать смѣсь Гуситизма, Калвинизма, Лютеранизма и проч. Тогдашъ по кончинѣ *Сигизмунда II*, Поляки обнародовали законъ, запрещающій будущимъ королямъ назначать наслѣдниковъ: Магнаты, захватывъ корону въ свое распоряженіе, начали продавать ее иностраннымъ Принцамъ какъ бы съ аукціона, и всѣмъ этимъ положили начало гибели своего отечества. *Отца отечества за деньги купить невозможно.*

гдашней Польской словесности, наполненной сплошь гнусными, сплошь грубыми, сплошь неблагоприспособленными пасквилями, что Русское правительство паспогло и Поляки въ мирномъ договорѣ 1650-го года, торжественно обѣщали прекратить и уничтожить предосудительныя сочиненія? Добромыслящіе Поляки упоминаютъ о нихъ съ негодованіемъ, приписывая имъ бѣдствія своего отечества.

5) Русская филологія, по мнѣнію г. *Сенковского*: «пренебрегаетъ слишкомъ твердаго знанія языковъ Моравскаго, Сербскаго, Богемскаго, Малороссійскаго и кореннаго Бѣлорусскаго нарѣчія.»

Пусть знаютъ, у кого есть досугъ и охота, учиться вышечисленнымъ и даже Бѣлорусскому старинному нарѣчію, въ нихъ нѣтъ никакой ненависти къ Россіи, какою нынѣшъ словесность Польская, такъ называемыхъ вѣковъ *Сигизмундовыхъ*, но и въ нихъ Россія крайней надѣбности не имѣетъ. Языки Моравскій, Богемскій, Сербскій, Малороссійскій, древній Бѣлорусскій и Россійскій, безъ малѣйшаго сомнѣнія, произошли отъ одного и того же древне-Славянскаго; но на послѣднемъ, и. е. Россійскомъ, Греки, проповѣдуя Евангеліе великому народу Русскому, переводя на него книги св. Писанія, церковныя и каноническія, образовали его по грамматикѣ и синтаксису древняго классическаго языка Грековъ, и составили книжный, или церковный языкъ (*). Духовенство и высшій классъ народа, опираясь на сими книгамъ все главнѣйшіе и свѣщеннѣйшіе обряды и обязанности Христіанъ и членовъ общества, — книжно-Славянскій языкъ употребляли и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ, до вѣры опнослящихся; прослоюдины, сколько имъ было возможно, подражали симъ двумъ высшимъ государственнымъ

(*) Римскій языкъ золотого вѣка образовался точно также, какъ Русскій, по правиламъ Греческихъ филологовъ и грамматиковъ.

составлять: такимъ образомъ Славяно-Россійскій языкъ, отдѣлился отъ прочихъ нарѣчій (діалектовъ) своихъ, возвысился, очистился, обогатился, образовался, и продолжался быширо образовывался. Цѣль сомнѣнія, что не описали бы отъ него и другіе Славянскіе народы, еслибъ не находились подъ вліяніемъ Римско-Германской имперіи и спорого вліяніемъ духовенства Латинской Церкви, которая, не теряя никакихъ другихъ языковъ кромѣ Латинскаго, принудила ихъ и молиться Богу и отправлять правосудіе на семъ языкѣ, предославя ихъ природный только черни для домашняго обихода. Отъ сего-то нарѣчія Славянъ Римскаго исповѣданія, или остались въ первобышнемъ ихъ ребячествѣ, или совсѣмъ испребылись, и Русская этиология въ жалкихъ останкахъ ихъ никакой оцѣнительной надобности не имѣетъ. Для археологій довольно имѣть исправные словари сихъ нарѣчій.

4) Кришникъ увѣряетъ, что: «изъ Бѣлорусскаго «собственно возникъ языкъ Великороссійскій.»

Двѣ губерніи: Вишневецкая и Могилевская, именувая нынѣ Бѣлоруссією, получили сіе названіе не ранѣе 1500-го года, а Великороссійскій, или просто Русскій языкъ, подъ симъ именемъ уже существовалъ во время перевода книгъ св. Писанія, образовался по Греческимъ грамматикамъ въ Моравіи съ 865, а въ Россіи съ 988 года; следовательно онъ нынѣ снани годами старше Бѣлорусскаго. Не хотѣлось ли г. *Сенковскому* сказать, что Великороссійскій языкъ возникъ въ тѣхъ областяхъ, кои съ XIV и XV-го столѣтій начали называться Бѣлоруссією и Малоруссією, т. е. въ тѣхъ частяхъ нынѣшней Россійской Имперіи, кои во время несчастнаго нашествія Монголовъ, по несчастію, присоединены сперва къ Литвѣ, потомъ къ Польшѣ? Напрасно! Подъ вліяніемъ Латинскаго духовенства и дворянства сего же исповѣданія, угнетенные тяжелымъ

ихъ погнѣ, православные Бѣлорусцы неказали свой языкъ смѣсю съ чуждыми имъ нарѣчіями. Въ сію печальную годину и Великороссійскій языкъ на пути своемъ къ усовершенствованію останавливался, однакоже не падалъ, — потому что Монголы, господствуя въ Россіи, не только не препятствовали исповѣданію Христіанской вѣры, но часто Россійскому духовенству покровительствовали. Опъ сего Великороссійскій языкъ, при первой возможности, достигъ нынѣшняго цвѣтущаго своего состоянія, и для дальнѣйшаго усовершенствованія, ни въ Малороссійскомъ, ни въ Бѣлорусскомъ ощущительной надобности не имѣетъ. Для археологическихъ розысканій довольно, какъ говорено выше, имѣть порядочные словари.

5) «Слово о полку Игоря слишкомъ опрометчиво,» говоритъ критикъ: «причислено къ источникамъ Русскаго языка.»

Слово о полку Игоря никто изъ Россіянъ къ источникамъ Русскаго языка не причислялъ; потому что сіе слово само происекло изъ языка Русскаго и представляетъ только образецъ Русской письменности XII-го столѣтія. Не слишкомъ ли *опрометчиво* слова *источникъ* и *образецъ* перемѣшаны между собою?

6) Г. Сенковскій упрекаетъ г. Глаголева въ томъ: «зачѣмъ онъ не принялъ на себя труда сравнить *Слово о полку Игоря* съ Гаэлицкою поэзією почтеннаго Макферсона.»

Что за Гаэлицкую поэзію отыскалъ нашъ критикъ? Мы не знаемъ такой не только въ Шотландіи, но и въ цѣломъ мірѣ. Мы догадываемся, что критикъ хотѣлъ сказать: поэзіи Галеонской; но и эта поэзія была не Шотландская, а Греческая, которая принадлежала собственно къ древностямъ Сицилійскимъ (*), и на острова Британскіе перешла

(*) См. *Фалкона Беневентск.* стр. 323, рукописную хрон. *Ролуальда* и другихъ.

не прежде Крестовыхъ походовъ; слѣдственно Галлеотская поэзія, не по названію, а по существенной принадлежности къ Греціи, Россіянамъ пѣвѣнна была прежде, нежели Шотландцамъ.

7) «Слово о полку Игоря крѣпко пахнеть Оссеянскіимъ.»

Прощательное обоняніе нашего криптика, кажется, его обманываетъ; у *Оссіана* и автора *о полку Игоревомъ* совершенно нѣтъ ничего общаго. *Оссіанъ* выданъ за Шотландскаго поэта III вѣка, но въ Шотландіи Христіанство въ первый разъ проповѣдано, со введеніемъ письменности, *Палладіемъ* и *Патрикіемъ* въ V столѣтіи; слѣдственно исторически доказывается, что *Оссіанъ* поэтъ въ III вѣкѣ въ Шотландіи не было и быть не могло; всѣ лица, въ поэмахъ его упоминаемыя, напримѣръ: *Орранъ*, *Ордаръ*, *Кушумлинъ* и проч., суть явные вымыслы. Напротивъ того, *Пѣснь о полку Игоря* писана 200 лѣтъ послѣ введенія въ Россію письменъ; всѣ лица въ ней упоминаемыя суть строго историческія ея времени, и во всей поэмѣ нѣтъ ни одного анахронизма.

8) «Въ *Словѣ о полку Игоревомъ* обороты и выраженія большаго частію принадлежатъ къ слогу XVIII столѣтія.»

Этого совсѣмъ не замѣтно! Оно писано тѣмъ языкомъ, которымъ въ XII-мъ вѣкѣ говорили люди грамотные, и который былъ тогда и книжный и вмѣстѣ разговорный (см. Но 5). Этотъ языкъ Русскихъ грамотѣвъ отъ XII-го до XVIII вѣка не потерпѣлъ важной перемены. Прибавимъ къ этому, что авторъ прекрасной *Пѣсни о полку Игоревомъ* былъ своего времени гений, а первое свойство гения опередить свой вѣкъ. Вотъ почему обороты и выраженія сего пѣснопѣвца кажутся криптику принадлежащими XVIII-му вѣку.

9) «Въ пѣснѣ Игоровой многіа прилагатель-
«ныя принадлежатъ къ Польской новѣйшей поэзіи.»

Тѣ же самыя прилагательныя прилагались бы
къ стариннымъ существительнымъ въ древней поэ-
зіи Поляковъ, еслибъ ихъ прапрадѣды писали стихи
на природномъ своемъ языкѣ; но они, komponуя
вспарь вирши на искаженной Латышнѣ среднихъ
вѣковъ, краснѣ ошечесивеннаго своего Славянска-
го слова тогда не чувствовали, и погрязши въ Па-
пизмъ, не понимали. Даже и въ новой ихъ поэзіи
прилагательныя на *ая, іа, іе*, какія повсюду видимъ
въ *Пѣснѣ о полку Игоревомъ*, не употреблялись.
Сверхъ того, критикъ, говоря о прилагательныхъ,
не упомянулъ (что гораздо важнѣе) о существи-
тельныхъ именахъ сего доспомянутого стихотво-
ренія: о словахъ чисто Польскихъ, донынѣ тамъ
употребляемыхъ, вѣроивно сберегал ихъ для бу-
дущихъ впрѣдъ возраженій, напримѣръ: *поскепаны*
головы. Поскепаны, слово, донынѣ у Поляковъ упо-
требляется; теперь надобно развѣишиъ: употребле-
лись ли Россіянами XII-го вѣка нынѣшнія Поль-
скія слова? Мы утверждаемъ, что они не только
Кіевскими, но и Новгородскими Россіянами XII-го
вѣка точно употреблялись. При древнихъ Софій-
скихъ правилахъ сохранились вопросы какого-то
Кирика къ Новгородскому Епископу *Нифонту*,
скончавшемуся въ 1156 году. Тамъ *Кирикъ* спра-
шиваетъ: а иже раснуспилъ *малжена*. Малжена
слово Польское, донынѣ тамъ употребляемое; слѣд-
ственно, употребленіе нѣсколькихъ Польскихъ
словъ въ *Пѣснѣ Игоровой* XII-го столѣтія подо-
зрѣніемъ на подлогъ ся совсѣмъ быть не можетъ (*).

(*) Здѣсь приличнымъ находимъ сказать, что сіи *Кирико-
вы* вопросы, въ XII-мъ вѣкѣ написанные, служатъ силь-
нымъ опроверженіемъ мнѣнію о происхожденіи Варягъ-
Руси изъ Скандинавіи. Извѣстно, что въ Новгородѣ бы-
ла улица Прусская, но можно было подумать, что въ
сей улицѣ, случайно называвшейся Прусскою, обитали

Син слова, также какъ нѣсколько выражений изъ языка древнихъ Франковъ, донынѣ у Русскихъ просополюдиновъ употребляемыхъ (см. ниже № 14), ничего болѣе не доказываютъ, какъ то, что Русь, Поляки и Франки, когда-то жили въ сосѣдствѣ.

10) «Особенно слово *спицій*, въ смыслѣ поэта, или нѣпическій, создано для выраженія *Vates* въ переводахъ *Горація* и *Виргилія*.»

Первый переводъ на Русскій языкъ творений *Горація* приписывается профессору *Поповскому*, умершему въ 1760 году; но въ томъ переводѣ о значеніи слова: *спицій*, совсѣмъ не упоминается. Моженъ быть критикъ относитъ это къ комментаріямъ г. *Булгарина*, появившимся въ 1821 году; но *Нисень о полку Игоря* уже напечатана была въ 1800 году; следовательно, употребленное въ ней слово: *спицій*, не могло быть заимствовано изъ комментарій позднѣйшихъ. Между тѣмъ это слово находимось точно въ рукописяхъ XV-го сто-

Славяне Новгородскіе. Напрямъ того, *Кириковы* попросы довольно ясно показываютъ, что тамъ жили Прусы, кои еще въ XII столѣтіи держались особой своей вѣры; напримеръ, *Иифонтъ* отвѣчаетъ *Кирику*: «а иже се поили къ *Варяжскому* попу дѣти на погитѣ; шесть недѣль остили, за неже (они) аки двоурицы суть.»— Когда въ Новгородѣ произошли въ 1219—1220 годахъ междоусобица и рѣзня, тогда именно Прусы дрались за посадника *Твердислава*. И еще кенанинъ прибавитъ: *Инокентій* въ Церковной своей пѣсноринъ пишетъ, что первый Кіевскій или Русскій пѣнокъ *Антоній* (Печерскій) былъ уроженецъ города Любека. По справкѣ съ указаніями *Инокентія* оказывалось, что *Антоній* былъ уроженецъ изъ града Любека, следовательно не видно: изъ Любека ли, лежащаго въ Вагринѣ на рѣкѣ Травѣ, или изъ Любека, находящагося на рѣкѣ Дитирѣ.— Пускай сей вопросъ останется нерѣшеннымъ; однакожъ сходство именъ *Любека* и *Любета* указываетъ ясно, что оба сѣи города построены, моженъ быть, до Рюрика, какимъ нибудь однимъ, или одно-язычнымъ народомъ.

лѣтіл, въ жизнеописаніи Килзя IX вѣка и въ смыслѣ не стихопворца Vates, но просто мудраго. См. указанія въ И. Г. Р. Т. 1, примѣчаніе 515.

11) Рецензентъ продолжаетъ:

«Быспрал Калла,

«Жемчужная душа въ храбромъ плѣлѣ,

«Золотыя слова, смѣшанныя съ слезами,

«Кровавыя раны въ жестокомъ плѣлѣ,

«Кровавыя зѣри,

«Лепаніе мыслію изъ далеча,

«Накладываніе вѣщихъ персповъ на живыя стру-

ны,

«Серебряная сѣдина,

«Сула, текущая серебряными струями,

«Храбрая мысль, посвящая умъ на дѣло, и цѣ-
лмыя дюжины этого рода понятій, совершенно из-
вѣстные среднимъ вѣкамъ, совершенно прошивны
«духу ихъ краснорѣчія, явно заимствованы изъ но-
ваго піитическаго языка Европейцевъ.»

Весьма замѣтно, что критикъ хотѣлъ сказать
что либо другое, или что либо пропустилъ :
ибо какъ понятія, среднимъ вѣкамъ совершенно
извѣстныя, могли быть совершенно прошивными
духу ихъ краснорѣчія? Потомъ критикъ увѣряетъ,
будто бы въ разбираемомъ имъ стихопвореніи всѣ
понятія почерпнуты изъ новаго піитическаго язы-
ка Европейцевъ; а мы положительно утверждаемъ,
что всѣ тѣ понятія, исключая развѣ названія воен-
ныхъ доспѣховъ, гораздо прежде, нежели стали извѣ-
стны новымъ Европейскимъ поэтамъ, уже паходились
въ твореніяхъ Византійскихъ писателей и наче въ
духовныхъ пѣснопѣніяхъ, съ X-го вѣка Россіянами
ежедневно повторяемыхъ. Прежніе комментаторы
сей *Пѣсни* замѣтили даже многія выраженія, а мы
прибавимъ для примѣра: въ Византійскихъ пѣсняхъ

уму приписаны очи, а въ *Пѣсни о полку Игоревомъ* данъ ему полетъ; въ Византійскихъ пѣсняхъ краснорѣчивый названъ имѣющимъ златый уста; у автора *Пѣсни о полку Игоревомъ* краснорѣчіе именуется златыми словами; извѣстно, что Греки и самую риторичу называли златословомъ. Криптику, взявшему на себя разборъ древней поэмы, нельзя обойтись безъ знапія Русской филологіи того вѣка, въ которомъ она написана.

12) «Симетрическія повторенія въ періодѣ па-
крѣчій: *уже, тутъ*, и изысканное сочетаніе *о съ не-*
«опредѣленнымъ [наклоненіемъ, напоминающъ уроки
Цицерона и Квинтиліана.»

Слово *тутъ* во всей разбираемой нами поэмѣ не употреблено ни разу; въ прехъ мѣстахъ: на стр. 49, 55 и 64 (*), напечатано *ту*, и въ пяти мѣстахъ: на стр. 51, 54, 56, 63 и 65, *уже*. Если авторъ *Пѣсни о полку Игоря* понималъ смыслъ словъ: *ту* и *уже*, то онъ не могъ употребить ихъ иначе, въ противномъ случаѣ была бы явная бессмыслица. Что принадлежитъ до междометія *о*, сочиненнаго будто бы съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, это также несправедливо; частица *о* употреблена во всей *Пѣсни* четырехкратно: на стр. 50, 55, 56 и 59-й, и ни разу съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Припомъ, гдѣ криптикъ нашелъ, что по правиламъ *Цицерона и Квинтиліана* междометіе *о* сочиняется съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ? Это поклѣпъ на *Цицерона и Квинтиліана*!!

13) Рецензентъ увѣряетъ, что — «счастное употребленіе мѣстоименія: *свой*, столь рѣдкаго въ «старинныхъ Славянскихъ писаніяхъ, — показы-
«ваетъ въ сочинителѣ *Слова о полку Игоревѣ* на-
«писаннаго Французскимъ языкомъ.»

Раскройте, какой угодно, старинный или древній памятникъ Славянской филологіи: вездѣ уви-

(*) См. Академическое изданіе 1905-го года.

дше употребленіе мѣстоименія: *свой*, если не на каждой строкѣ, то вѣрно на каждой страницѣ. Для примѣра, мы на выдержку раскроемъ выписку изъ Вольпской лѣтописи, безспорно относимой къ XIII-му столѣтію (см. И. Г. Р. Т. III, примѣчаніе 176). И что же? мѣстоименіе *свой* находится въ ней на каждой страницѣ, а на 122-й два раза.

14) «Есть въ Словѣ о полку Игоря галлицизмы: какіе? Кричатъ пѣлеги полунощныя.»

Мы, природные Россіяне, не видимъ пути никакихъ! Такіе галлицизмы у Русскихъ простолудиновъ довольно часты: у нихъ старая обувь *разъеаетъ* ропъ, рѣки *ломаются*, солнышко *играетъ* и проч. Здѣсь ксатки прибавимъ, что у Россіянъ и, паче у простолудиновъ, дѣйствительно отъ незапамятныхъ временъ иногда встрѣчались и встрѣчаются галлицизмы, или лучше сказать, франконизмы, т. е. такіе обороты словъ, какіе употреблялись у Франковъ, обитавшихъ въ Германіи и господствовавшихъ въ Галліи, напримѣръ: древніе Франки, вмѣсто *Nicolas*, писали *Niconlav* (а), и Русскіе простолудины произносили: *Микурлай*; древніе Франки, вмѣсто: *Георгій*, писали *jurs* (*Julius*) (б), и Русскіе говорили и писали: *Юрій*. Да и самый корень слова: *пѣлега*, находящійся въ реченіи древнихъ Франковъ: *teil* (в), лиловая кора, лубокъ, изъ котораго въ Россіи дѣлаются пѣлеги. Но все это доказываетъ одно то, что Русь и Франки обитали въ древнія времена гдѣ нибудь въ соседствѣ, и не только не соснавливаютъ подозрѣнія на подлогъ *Ильски о полку Игоревѣ*, но еще болѣе подтверждаютъ древность и подлинность сего славнаго памятника нашей древней поэзіи.

(а) См. *Dict. du Vieux langage Français*, par la Combe. Paris. 1765. pag. 357.

(б) Тамъ же, стр. 310.

(в) Тамъ же, стр. 520.